

УДК 159.9; 811.511.142

Ю.Г. Миляхова, В.Н. Соловар

**Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека
(на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка)**

Аннотация. В статье описываются основные составляющие картины мира, осознаваемые носителями языка как важнейшие социально-культурные нормы данного общества; исследуется семантика языковых единиц, передающих психическое и эмоциональное состояние человека.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние, система ценностей, фразеологизм, концепт, метафора, когнитивная деятельность.

U.G. Milyakhova, V.N. Solovar

**National and cultural peculiarities of language units of the sphere of human psychoemotional state and behavior
(based on Shuryshkarsky and Kazym dialects of Khanty language)**

Summary. The article describes the main components of the worldview perceived by native speakers as the most important social and cultural norms of the society; analyzes the semantics of linguistic units that convey the psychological and emotional human state.

Keywords: psychoemotional state, value system, phraseological unit, concept, metaphor, cognitive activity.

Язык каждого народа отражает именно те черты окружающего мира, которые являются жизненно и культурно значимыми. Важно, как отмечает Л.И. Горбунова, «какие составляющие картины осознаются как особо существенные, каким из них приписываются ценностные характеристики...» [1, 107]. Образ человека является важным центром национальной культуры, системы ее ценностей. Эти этические ценностные представления – результат накопления всех человеческих знаний и опыта за весь период развития данной культуры.

Национальный язык как средоточие общественно-исторического опыта определенно-го этноса создает для носителей этого языка специфичный взгляд на мир, что обусловлено национальной значимостью духовных, этических и эстетических ценностей, порождаемых культурой данного этноса.

Мы попытаемся сделать первичный анализ единиц языка, отражающих эмоциональный и поведенческий опыт хантыйского народа. Именно в пословично-поговорочном фонде языка раскрываются элементы социально-этических норм, в них же можно увидеть посвоему преломленную систему общечеловеческих положительных и отрицательных оценок, т.е. реальную действительность, которая прошла через фильтр сознания целого этноса и нашла свое выражение в поговорках.

Носителем языка ситуация оценивается как положительная или отрицательная в соответствии с эталонами и стереотипами бытия человека в данной культуре, и сами устойчивые сочетания языка обретают роль культурного стереотипа, так как транслируют из поколения в поколение характерный для народа стиль мировидения и передают культурно-нацио-

нальные его традиции, выражая тем самым и характерологические особенности его менталитета.

Фразеологические номинации как микро-тексты обладают такой характеристикой, как образность, благодаря которой эксплицированный концепт объемно и глубоко рефлексивируется его носителями.

В качестве примера, иллюстрирующего оценочно-образные коннотации фразеологически оформленных эмоциональных концептов, рассмотрим фразеологизмы, репрезентирующие эмоциональный концепт «злость». Они представляют зооморфные метафоры. В языке отмечается общее внешнее сходство с животным, а также отрицательные эмоции передаются посредством акцентирования внимания на частях тела животного, например, это зубы, глаза, рога, когти, шкура, морда, или прямой негативной оценки, например: *шур. Атэм амп хорпи* 'Похож на плохую собаку (букв.: образ плохой собаки)'; *каз. Амп хурасеп* 'Похож на собаку'; *Пенкәң акар хорпи* 'Похож на зубастую собаку'; *Куль хорпи* 'Похожая на волка (злая)'; *Семңәл оңәт иты тәйләлҗы*; *каз. Семңәл хор мис иты вермал* 'Злой человек (букв.: глаза держит, как рога)'; *шур. Щәха куншдан әтәлтыйа, кәҗи лампа молты* 'Затем покажи когти, как злая когтистая кошка'.

Негативные эмоции передаются через внешность человека: *шур. Лик сохәл әхтәс* 'Он разозлился (букв.: шкура зла пришла)'; *Вени сохәл әнт ларпильейәл* 'У нее злое лицо (букв.: кожа лица не расправляется)'. С представлением о части слов этой группы у носителей хантыйского языка связаны определенные устойчивые ассоциации, проецируемые на человека. Например: *каз. Ампа-сава версайәм* 'Оскорбили (букв.: собакой-сорокой сделали)'; *Ин ими вениәл авәт хәлҗийн хәхәлҗа, нүвәт хәлҗийн хәхәлҗа, ши мурта лыкашмај* 'Эта женщина так рассердилась, лицо ее передергивается (букв.: с ее лица, как с коры дерева сыпятся крошки)'.

В этих примерах используется зооморфная метафора – человек в злом состоянии духа

сравнивается с животными – собакой, кошкой, волком, оленем; его внешность, голос, поведение уподобляются облику животного, например: *Лыки-сухи* 'Со злой шкурой'; *Лүв сүхәл-пүнәлдән дөваса йәшащәл* 'Он сам без причины начал злиться (букв.: со шкурой-шерстью, не сдерживая себя, действует)'; *Вени сүхәл ил пәрийәл* 'Шкура с морды сыпется'; *каз. Вүрт түрн үвәл* 'Кричит с визгом (к несчастью) (букв.: кричит голосом лисы)'; *Хор түрн үвәл* 'Кричит голосом быка'; *Акар амп иты урийәл* 'Как собака рычит'; *Муй хорасыйлҗән* 'Что буянишь (глагол образован от лексемы хор 'бык)'. Глаза разозлившегося человека еще больше добавляют ему сходства с животным: *шур. Сэмләл кул иты әтәлтыйлы* 'Он смотрит волком (букв.: показывает глаза как у волка)'; *каз. Хор сәмән вантәл* 'Смотрит, как бык'; *Семңәл оңәт иты катлдәлә* 'Глаза держит, как рога'; *Семңәлдән ил-нухды әл тәҗәлҗы* 'Злой, смотрит исподлобья (букв.: глаза водят его вниз-вверх)'; *Ма пәдама вантәл акар сәмән* 'Смотрит на меня глазами собаки (т.е. зло)'. Структура данных языковых единиц представлена парными словами, устойчивыми словосочетаниями, сравнениями, глаголами.

Отрицательная коннотация заключается не только в том, что злость лишает человека его человеческого образа и подобия, но и в том, что она соматически деструктивна. Человек, пребывающий в злом состоянии духа, прежде всего, испытывает разрушающую силу этой эмоции на себе: *шур. Яха таласман ул* 'Живет сморщенная (букв.: вечно сморщенной живет)'; *Лик тул* 'Носит зло'; *Лув вени сохәл лик, ал пәрийәл* 'У нее злое лицо (букв.: кожа ее лица злая, просто сыпется)'; *каз. Семңәл вәна талман ши үвәл, дыкәлдән ара хәш ши мәниәлҗы* 'Кричит, глаза выпучив (букв.: к большому растягивая), злость его чуть не разрывает'; *Атәм сәмән вантәл* 'Смотрит плохими глазами'; *шур. Тәм хөйән кұлащты имухты нәпәтәл, нүр оңтәң хорәт иты* 'Этот мужчина драться сразу кидается, как рогатые быки'; *Лай вүра, пит вүра шөшәмты* 'Разъяряться, рассвирепеть (букв.: в темную кровь, в черную кровь шагнуть)'; *Лүв мурта ашәмса*

‘Он до такой степени пришел в ярость’; *Па ци тохты* питэс ‘Опять стал сильно кричать (букв.: рваться)’; *Ин ньаврэм сумлта вўриджэ* ‘Он закричал на ребенка резко, неожиданно (букв.: бьет до крови)’; *Па суха йис* ‘Вышел из себя (букв.: другой шкурой стал)’, данный пример представляет высшую степень гнева, неконтролируемого поведения. Таким образом, внешнее сходство человека с животными, низкая иерархия некоторых из них, деструктивное состояние частей тела, внутреннего состояния передают общую отрицательную оценку этносом данного поведения.

Фразеология покрывает преимущественно понятийные зоны, которые охватывают эмоции, внутренние переживания и психофизические состояния человека.

Фразеологические единицы отражают и результаты когнитивной деятельности, и ментальные представления определенного лингвокультурного общества о вербализованном объекте или понятии. Это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология. Так, хантыйский эквивалент слова «пословица» «*Йис йасэң*» в буквальном переводе означает «древнее слово», т.е. пословицы – это слова предков, хранящиеся в памяти народа.

Кроме того, в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры, так, например, важной нормой в трудовой деятельности человека является соблюдение эталона – образца изделия, который соответствует требованиям культурных запросов этноса, предписанных традицией, например: *каз. Вўни акэн щиты вєрэнтэс* ‘Так не делал твой предок (букв.: нельмадядя=твой, так делал)’, в данном примере отрицательная коннотация передается только средствами интонации.

Обобщая вековой опыт и наблюдения народа, пословицы и поговорки формируют правила жизни, возводя их в ранг социально значимых и общественно признанных закономерностей.

Текст пословиц представляет собой сгусток трудового, нравственного и эстетического опыта этноса, сжатого в мудрые изречения. Это житейская философия народа, регламентирующая поведение человека в социуме. К примеру, под влиянием пословицы *Ун хойат муй ньаньэрлыыйэл, хойатэн ньэхла* ‘Зачем взрослый человек кривляется, засмеют’ формируется норма: взрослый человек должен вести себя сдержанно.

При исследовании пословиц и поговорок обнаружено, что многие из них имеют прямую этическую оценку. Этическая оценка опирается на систему предпочтений. Говорящий присваивает себе определенный статус представителя коллектива, разделяющего ту или иную систему предпочтений.

Анализ материала позволяет отметить, что основным достоинством человека считается трудолюбие, умение качественно выполнять ту или иную работу, соответствие результата деятельности эталону, принятому у данного коллектива, оказание помощи другому человеку, так, например, примеры из шурышкарского диалекта дают представление о том, какие нормы приняты у данной этнической группы: *Веры на нѳх ат йетииэл* ‘Дело свое доводи до конца’; *Верты отэн велици йѳма йиш, самен ки тохи понлэн* ‘Дело получится, если отнестись к нему с душой’; *Мосты щира ки верлен, велици верты отэн йѳма вантэс* ‘Если делаешь так, как надо, то вещь и смотреться будет’; *Тус ки, вантты умэщ* ‘Если сделано правильно, то приятно смотреть’; *Рупатаен нумасман ки верлен, велици молтыйа йиш* ‘Если делаешь работу, обдумав, то получится’; *Ёшен-курэн нѳхал ки, верты отэн велици тыйэл* ‘Если ты трудишься (букв.: если ноги-руки шевелятся), то дело получится’; *Молты верлэн-ки, наѳен улты йѳм* ‘Если что-то делаешь, то и жить тебе приятно’; *Муй щирн велтэслэсэн, щи арат велсэн* ‘Как потрудились, столько и сделал’; *Муй иса на хоят пела вантман уллэн, нѳн верты отен вера* ‘Не гляди на других, займись своим делом’; *Ёнта на еша рупита* ‘Играй и еще поработай’; *Хул нѳн хонэна йнт ѳхэтл* ‘Рыба к тебе (букв.: в живот=твой) не приплывет’; *Олман*

наһь аһнт шитлэн ‘Спящий хлеба не добудет’; *Хойат хоцца һота, йл ал ванта* ‘Человеку помощи, а не просто смотри’; *Ййам хойат хоцца, вер ййама тыйл* ‘У хорошего человека и работа ладится’.

Как показывают наши материалы, в казымском диалекте трудовая деятельность оценивается также с помощью отдельных лексем, например: *апрэң* ‘проворный, активный’; *каркам* ‘проворный, трудолюбивый’; *хярци* ‘упорный, настойчивый, проворный’; *савэр-вавэр* ‘проворный, делает что-либо быстро и хорошо’; *кяры-пяры* ‘расторопный, работающий’; *төс, хошты* ‘умелый’.

Положительная оценка представлена и метафорически, часто обращается внимание на интенсивность выполняемой работы, например: *Посэу, лаймау-кэшау* ‘Трудолюбивый (букв.: с рукавицами, с топором-ножом)’; *Нүр и йош на и күр тайты ут* ‘Выполняет работу быстро (букв.: человек, имеющий только одну ногу и одну руку)’; *Нүр тал йош* ‘Быстро все делает (букв.: совсем пустые руки)’; *Рөпатайл нүр аукал мухэлайя лярыйэл* ‘Быстро все делает (букв.: работа его все вокруг столба кружится, то есть выполняется без перерыва)’; *Төп шай йаһл, ким и күр* ‘Жаждающий дел, активный’ (букв.: только чай выпьет, на улицу одна нога)’; *Йошэн аһ хойам ут күрэн шөңсийлдэлэ* ‘Все успевает делать (букв.: чего не успевает коснуться руками, ногой попинывает)’.

Для номинации этих качеств используются имена прилагательные одиночные и парные, соматизмы *күр* ‘нога’ и *йош* ‘рука’, а также фразеологизмы.

Анализ семантической структуры приведенных примеров показывает, что наряду с основной лексической нагрузкой рассмотренные слова обладают также и дополнительной коннотацией, если человек активен, то он трудолюбив, настойчив в достижении хорошего результата, хорошо выполняет свою работу.

Для номинации лени, безделья используются различные способы: а) словообразовательный, он представлен прилагательными, образованными от существительных, напри-

мер: *шөкэң* ‘ленивый’, *нярды-кярды* ‘бездельник’, *йошды-донды* ‘ленивый (букв.: без рук, без жил)’, б) метафорический, при котором осуждаемое качество показано через образы, сравнения: *Сапэл түр ниниийлты ут* ‘Лентяй (букв.: человек, растягивающий шею)’; *Мирэн нюхаман нәң на нюр аңкәл шөп иты омәслән* ‘Когда твои близкие люди шевелятся, ты как пень сидишь’; *Күрңәл рата вортман омәсәл* ‘Бездельничает (букв.: ноги=свои уперев в очаг, сидит)’; *Хулна пүкән навәтман улдән* ‘Лентяй (проснулся и валяется, не занимается делом (букв.: все еще пупок роняя, лежишь)’; *Муи датәвьәдән савне иты* ‘Что скачешь, как сорока (о бездельнике)’.

Леность получает негативную оценку в поговорках и фразеологизмах: *шур. Олмәу хир* ‘Ленивый (букв.: сонный мешок)’; *Ёшен ушан понман ал опса, верты отән вера* ‘Не сиди сложа руки, делай свое дело’; *Иса ал улты, муи йур ёхатл* ‘Сколько можно бездельничать (букв.: все время просто так существовать, сколько сил хватит)’; *Там хатл оллән, халәвәт оллән – тац элты тац аһтәм, ох элты ох аһтәм* ‘Сегодня спишь, завтра спишь – ни богатства и ни денег’; *каз. Верды питәм ут* ‘Бездельник (букв.: без дела оказавшийся)’; *Йошнәл шәнша йирман вөлләнән* ‘Бездельничает (букв.: руки=его к спине привязаны)’; *Вац кац хө* ‘Бездельник (букв.: мужчина в узких штанах)’; *Аһтпәл сыры лакнәм хө* ‘Лентяй (букв.: мужчина, у которого раньше ремень развязался)’; *Лүв рөпатайл түйтн ләсы* ‘Бездельничает (букв.: работа=его сторела)’; *Ляһна вөл* ‘Ленится (букв.: расслабленно живет)’.

Нормативной оценке подвергается общее поведение человека, которое должно соответствовать нормам поведения, принятым в этом обществе, например: *Атмац ки улдән, йасәу олдән лойлән* ‘Если плохо ведешь себя, о тебе говорят (букв.: в начале слова висишь)’; *Ййам хойат муйәл йастәла* ‘Что говорить о хорошем человеке’; *Ййам хойат ййама потәртла, атом хойат атмайа йастәла* ‘О хорошем человеке хорошее говорят, о плохом человеке плохо говорят’; *Вәтама ки улдән, нәүн лавәр* ‘Если плохо ведешь себя, то тебе тяжело’; *Хойат ййам*

вер верал ки, вантты умэц ‘Если кто-то делает доброе дело, то и посмотреть приятно’; *Хойат щирн ки уллэн, хойата вэлици тайлдайэн* ‘Будь человеком, тогда будут считать тебя человеком’.

В результате исследования можно сделать вывод, что этической оценке подлежит и эмоциональное поведение индивида. К примеру, в хантыйской поговорке *Атма ал ула, иса муй ньэх, хоятн йасталайэн* ‘Не веди себя плохо, что все время смех, потеряешь уважение, авторитет’, отмечается, что человек не должен без причины смеяться, излишний смех является признаком легкомысленности человека; *Атэм имет иты уулэж лоп айт тухрантыйэл* (букв.: как у плохих женщин рот не закрывается), данный пример указывает на то, что не поощряется пустословие, болтливость. Хантыйская женщина должна вести себя скромно. Этот пример дает эталон, каким необходимо быть человеку с точки зрения образца бытия. Так, в хантыйской поговорке *Охшамен нох ал энхи* или *Охшамен ил ал вуи* ‘Не снимай платка’ отражено поведение женщины в традиционной этнической среде; *Атом улапса, йам улапса – щит наң улэпсайен* ‘Плохая жизнь, хорошая жизнь – это твоя жизнь’; таким образом хантыйским этносом осуждается роптание на судьбу, жалобы на нее.

Как видно из примеров, в ЯКМ регламентируется, какие эмоции и в какой степени нужно проявлять в каждой житейской ситуации.

Нравственные требования, касающиеся эмоций, категоричны и в то же время носят рекомендательный характер, так отмечается необходимость следовать установкам старших по возрасту, например: *шур. Ун хойат йастэм йасэң ил ал пайты* ‘Прислушивайся к словам старших (букв.: слова старшего человека не роняй)’; *каз. Вөн хуйат йасэңа муйа йн хэжэнтлэн* ‘Почему не слушаешь старших’.

Пословично-поговорочный и фразеологический фонд языка отражает ментальность этноса. Она формируется в детстве в отношениях ребенка с родителями, другими людьми, в общении с природой, в повседневной жизни

в процессе включения человека в общество и усвоения им обычаев, представлений, способов поведения и ценностных ориентаций своего народа.

Паремиологические и фразеологические единицы – элементы коннотативной системы, т.е. системы, план выражения которой сам является знаковой системой и составлен из значимых двуплановых единиц, обладающих планом содержания и собственным планом выражения. Поэтому ценен не только буквальный перевод пословицы, который наглядно вскрывает ее чувственную основу, ее внутренний образ. Важно то, что эти речевые единицы отсылают нас к морали, к тем представлениям об этических нормах, которые главенствуют в данном языковом континууме, например, дается установка на сдержанность в поведении человека и речи: *Оиэң хойат йохийшэж лавлэсэл* ‘Умный человек ведет себя сдержанно’; *Муй атом щит иса лув* ‘Все плохое исходит от (него) несдержанного (в эмоциях)’; *Атэм йасэң ал йаста, турэмэн хуллайэн* ‘Не говори плохих слов, бог услышит’; *Йам йасэң айт ки тайлэн, машийана ула* ‘Если нет хороших слов, молчи’.

Пословицы и поговорки, оперируя схожим набором положительных и отрицательных стереотипов, ценностей и антиценностей, добродетелей и пороков, испытывают на себе влияние образа жизни, образа мышления этноса.

В паремиологическом фонде языка отражаются основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения, идеалы, характерные для национальной культуры, а при анализе фразеологизмов с точки зрения их внутренних форм возможно определить особенности отражения в идиоматике этнокультурных приоритетов, нравов и скрытых психологических, нравственных и моральных установок культурного общества.

В отличие от слов, идиоматика и паремиология прямо отражают когнитивную деятельность членов языкового коллектива, основанную на наивном представлении о мире носителей языка, их отношении друг к другу, к тому, что происходит с ними в этом мире.

Однако все это возможно только потому, что сама языковая система содержит механизм, обеспечивающий данную деятельность.

Благодаря своим особенностям эти знаки способны не только обозначать некую ситуацию, но и содержат оценку. Однако, передавая оценку, фразеологизмы, в отличие от пословиц и поговорок, не содержат морали, а сближаются с оценочной лексикой.

Как отмечает Н.В. Луговая [2, 6], фразеопсихоэмоны выполняют в речи функцию воздействия на человека (манипулирование сознанием, подсознанием, психикой человека, его поведением).

Изучаемый языковой материал продемонстрировал, что семантической основой для создания положительной и отрицательной эмоциональной оценки служит лексико-семантическая группа зооморфизмов. Их основной

лексической нагрузкой является характеристика психоэмоционального поведения человека.

Расшифровывая фразеопсихоэмоны, мы видим самого человека и те условия, которые его окружают в конкретную эпоху (его быт, религию, систему ценностей и т.п.), т.е. мы «читаем» картину мира человека.

Таким образом, анализ единиц, передающих психоэмоциональное состояние человека, позволил выделить культурную коннотацию, отражающую элементы духовной культуры хантыйского народа, их идеалы и ценностные представления.

В языковой картине мира хантов было выделено несколько понятий и качеств, которые воплощают принятую в обществе оценку соответствующего явления и отражают связанные с данными характеристиками культурные представления и традиции.

Литература

1. Горбунова Л.И. Языковая концептуализация физического облика человека (на материале прилагательных, образованных от соматизмов с помощью приставки без-(бес-) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 107–114.
2. Луговая Н.В. Национально-культурные особенности фразеологических единиц сферы психоэмоционального состояния человека: на материале русского и французского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Краснодар, 2007. 19 с.

References

1. Gorbunova L.I. Yazykovaya kontseptualizatsiya fizicheskogo oblika cheloveka (na materiale prilagatelnyih, obrazovannyih ot somatizmov s pomoschyu pristavki bez-(bes-) // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. 2013. № 1. S. 107–114.
2. Lugovaya N.V. Natsionalno-kulturnyie osobennosti frazeologicheskikh edinitz sferyi psihoemotsionalnogo sostoyaniya cheloveka: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazyikov: avtoref. diss. ... kand. filol. n. Krasnodar, 2007. 19 s.